

Описанные в книге события основаны на воспоминаниях доктора Каланити и реальных ситуациях. Имена пациентов, их возраст, пол, национальность, профессия, семейный статус, место жительства, история болезни и/или диагноз, а также имена коллег, друзей и лечащих врачей доктора Каланити, кроме одного, были изменены. Все совпадения с живыми или умершими людьми, возникшие из-за изменения имен и деталей личной жизни, являются случайными и ненамеренными.

*Ты ищешь в смерти жизнь
И дышишь воздухом,
Что чьим-то был дыханьем.
Грядущих имена не знаешь ты,
А старые забыты,
И время уничтожит их тела,
Но души вечны.
Читатель! Живи, пока живешь,
Шагая в бесконечность¹.*

БАРОН БРУК ФУЛК ГРЕВИЛЛ. «САЕЛІСА 83»

---

¹ Перевод от издателя.

Моей дочери Кэди

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие литературного критика</i>	11
<i>Введение</i>	18
Часть 1. Я НАЧИНАЮ В ПОЛНОМ ЗДРАВЬИ	31
Часть 2. И НАДЕЮСЬ УСПЕТЬ ДО СМЕРТИ	115
<i>Эпиграф Люси Каланити</i>	185
<i>Благодарности</i>	206
<i>Об авторе</i>	207

ПРЕДИСЛОВИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА

Мне кажется, что предисловие к этой книге скорее напоминает заключение. Когда речь заходит о Поле Каланити, время поворачивает вспять. Для начала следует упомянуть, что я по-настоящему узнал Пола только после его смерти (прошу вас проявить ко мне снисхождение). Ближе всего я познакомился с ним, когда его уже не было с нами.

Я встретил Пола в Стэнфорде в начале февраля 2014 года. В то время газета New York Times только что опубликовала его эссе «Сколько мне _____
осталось?»¹, вызвавшее невероятный отклик читателей. Всего за несколько дней оно распространилось с невиданной скоростью (я инфекционист, так что простите, что не употребил метафору «со скоростью вируса»). После этого Пол захотел встретиться со мной, чтобы расспросить насчет литературных агентов, издателей и различных тонкостей, связанных с публикацией. Он решил написать книгу, эту книгу, которую вы сейчас держите в руках. Я помню, как в тот день солнечные лучи, падавшие сквозь ветви растущей у моего офиса магнолии, освещали сидящего напротив меня Пола,

---

**ИЗ-ЗА ДИАГНОЗА ПОЛА Я ЗАДУМАЛСЯ
НЕ ТОЛЬКО О ЕГО НЕМИНУЕМОЙ СМЕРТИ,
НО И О СВОЕЙ.**

---

¹ How long have I got left?, New York Times, 2014.

ПОЛ КАЛАНТИ

его красивые спокойные руки, густую бороду пророка и пронизательные темные глаза. В моей памяти вся эта сцена похожа на полотно Вермеера с характерными размытыми очертаниями. Тогда я сказал себе: «Ты должен запомнить это», — ведь представшее тогда у меня перед глазами было бесценно. Из-за диагноза Пола я задумался не только о его неминуемой смерти, но и о своей.

В тот день мы многое обсудили. Пол был старшим нейрохирургическим резидентом¹. Скорее всего мы ранее встречались на работе, но не могли вспомнить ни одного общего пациента. Пол рассказал, что в Стэнфордском университете его основными предметами в бакалавриате были английский и биология, после чего он продолжил обучение в магистратуре по направлению «Английская литература».

**ПОЛ ДУМАЛ, ЧТО У НЕГО В ЗАПАСЕ
ЕЩЕ МНОГО ВРЕМЕНИ. ОДНАКО
ОН ОШИБАЛСЯ.**

Мы говорили о его вечной любви к писательскому делу и чтению. Меня поразило то, что Пол с легкостью мог стать преподавателем английской литературы и на определенном этапе жизни был очень близок к этому. Однако какое-то время спустя он понял, в чем состоит его призвание. Пол стал врачом, мечтающим не отдаляться от литературы. Он хотел написать книгу. Когда-нибудь. Пол думал, что у него в запасе много времени. Однако в тот день всем было понятно, что времени у него осталось очень мало.

Я помню его нежную и немного озорную улыбку на худом, изможденном лице. Рак высасывал из Пола все силы, но новая биотерапия дала положительный эффект, и Пол осмеливался строить планы на ближайшее будущее. По его

---

¹ Резидент — аналог ординатора.

ПРЕДИСЛОВИЕ

словам, во время учебы в университете он не сомневался, что станет психиатром, но в итоге влюбился в нейрохиргию. Он был движим не просто любовью к тонкостям мозга и удовлетворением от способности рук совершать во время операций невероятные подвиги, а любовью и сочувствием к страдающим людям, к тому, что они уже перенесли, и к тому, что им только предстояло пережить. Мои студенты, бывшие у него ассистентами, однажды рассказали мне, что непоколебимая убежденность Пола в важности моральной стороны в работе врача поразила их до глубины души. Затем мы с Полом заговорили о смерти.

После той встречи мы переписывались по электронной почте, но так больше и не увиделись. И вовсе не потому, что я погрузился в череду повседневных дел, а потому, что я не мог просто так отнимать у него драгоценное время. Я хотел, чтобы Пол сам решил, желает ли он встретиться со мной или нет. Я понимал, что менее всего ему сейчас нужно соблюдать формальности только что завязанной дружбы. Несмотря на это, я много думал о нем и его жене. Мне хотелось узнать, пишет ли он и как находит для этого время. Как занятой врач, я всегда с трудом выделял время на работу с текстом. Один известный писатель, рассуждая об этой вечной проблеме, однажды сказал мне: «Если бы я был нейрохирургом и сказал своим гостям, что мне нужно отлучиться на срочную трепанацию черепа, никто бы меня не осудил. Но если бы я сообщил, что мне нужно подняться наверх, чтобы писать...» Интересно, счел бы Пол эту историю забавной? В конце концов, он мог сказать, что ему нужно провести трепанацию! Это было бы весьма правдоподобно! А на самом деле сесть и писать.

ПОЛ КАЛАНТИ

Во время работы над этой книгой Пол опубликовал в журнале *Stanford Medicine* (досл. перевод «Медицина Стэнфорда») короткое, но выдающееся эссе о понятии времени. Я писал эссе на ту же тему, и мои мысли были поразительно близки к идеям Пола, хотя я узнал о его размышлени-

---

**ПОЛА ИНТЕРЕСОВАЛО ОСТАВШЕЕСЯ
ВРЕМЯ, НАПОЛНЕННОЕ СМЫСЛОМ.**

ях, лишь когда журнал оказался у меня в руках. Во время чтения его работы меня снова посетила мысль, впервые пришедшая в голову, когда я знакомился с эссе Пола в *New York Times*: его стиль письма был просто восхитительным. Пиши он на любую другую тему, его эссе оказались бы такими же потрясающими. Однако он не писал на другие темы. Его интересовало время, которое тогда так неизмеримо много значило для него.

Я пришел к выводу о том, что его проза незабываема. Из-под его пера лилось чистое золото.

Я перечитывал работу Пола снова и снова, пытаюсь глубже понять ее. Она была музыкальной, практически поэмой в прозе, где ясно слышались отголоски Галвея Киннела:

*И если однажды это случится,
Ты окажешься с тем, любишь кого,
В кафе на мосту Мирабо
У оцинкованной барной стойки,
Где в бутылках открытых вино...¹*

Это строки из стихотворения Киннела, которое он однажды читал в одном из книжных магазинов в Айова-Сити, не бросая даже взгляда в свои записи. Но в то же время в

---

¹ Перевод редакции.

ПРЕДИСЛОВИЕ

эссе Пола было и что-то иное, нечто старинное, что существовало еще до оцинкованных барных стоек. Несколько дней спустя я наконец понял: стиль Пола напоминал манеру Томаса Брауна. Браун написал «Вероисповедание врачей»¹ в 1642 году. Будучи молодым врачом, я был одержим этой книгой, словно фермер, пытающийся осушить болото, которое ранее не смог осушить его отец. Я тщетно силился постичь ее секреты, нервно отбрасывал ее в сторону, затем снова неуверенно брал в руки, чувствуя, что она может меня многому научить. Однако мне не хватало критического образа мышления, и эта книга осталась для меня загадкой, как я ни пытался ее разгадать.

Зачем, спросите вы, я так долго пытался ее понять? Кому вообще есть дело до «Вероисповедания врачей»?

Уильяму Ослеру², моему примеру для подражания, было до нее дело. Ослер, умерший в 1919 году, считается основателем современной медицины. Он любил эту книгу и хранил ее на прикроватном столике. Он попросил, чтобы «Вероисповедание врачей» положили к нему в гроб. На протяжении многих лет я не понимал, что нашел Ослер в этой книге. Но однажды тайна наконец-то открылась мне (этому способствовало новое издание с современной орфографией). Главное — читать ее вслух, чтобы не сбиться с ритма: «Мы таим в себе чудеса, внутри нас — вся Афри-

---

¹ Томас Браун (1605–1682) — британский медик, один из крупнейших мастеров английской прозы эпохи барокко. «Вероисповедание врачей» (*лат. Religio Medici*, 1643) — вольные размышления на темы религии, алхимии и астрологии. (*Здесь и далее прим. ред.*)

² Уильям Ослер (1849–1919) — канадский врач, ученый, совершивший множество открытий в медицине.